

УДК 343.238.1

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Зарубин А. В.

Принято считать, что право собственности делится на единоличное и общее, а общее – на долевое и совместное. Такое деление противоречит логике, поскольку понятие «общей собственности» не охватывается понятием «собственности». Существующая модель общей совместной собственности, как разновидности права собственности, обладает и другими недостатками, поэтому в науке всё чаще раздаются призывы о поиске альтернативных моделей. Первый вариант: на смену должен прийти режим отложенной общности, который распространен в странах Европы. Второй вариант: на смену общей совместной собственности, как особого права, должна прийти собственность семьи (супружеского сообщества), как особого гражданско-правового образования. Первый вариант отклоняется в силу того, что он не имеет ни существенных отличий, ни явных преимуществ по сравнению с существующей моделью. Второй вариант, напротив, признаётся перспективным. Для обоснования того, что совместная собственность - собственность семьи (супружеского сообщества) разрешается ряд последовательных задач, касающихся природы семьи; её квалификации, как гражданско-правового сообщества, а также её правоспособности. В заключении делает вывод, что на смену общей совместной собственности должна прийти собственность супружеского сообщества.

Ключевые слова: собственность; право собственности; деление права собственности; право общей собственности; право совместной собственности; режим отложенной общности; гражданско-правовое сообщество; супружеское сообщество; правоспособность супружеского сообщества; семья; интерес семьи; воля семьи.

Считается, что право собственности делится на единоличное и общее. Единоличное право собственности характеризуется тем, что нераздельно принадлежит одному лицу; общее право собственности – одновременно нескольким лицам. В свою очередь, право общей собственности подразделяется на долевое и совместное. Долевое право собственности, как уже видно из его названия, принадлежит нескольким лицам по заранее известным частям (долям). Совместное право собственности на доли не распадается.

Описанная выше теория настолько укоренилась в науке, что многие перестали замечать её явное несовершенство, в том числе отсутствие логики в делении права собственности сперва на единоличное и общее, а затем общего – на долевое и совместное. В чём порочность главенствующей теории и какой должна стать так называемая общая совместная собственность, попытаемся сейчас разобраться.

Начнём с того, что деление – логическая операция, цель которой – раскрыть объем понятия посредством формирования отдельных групп его составляющих. Деление, как логическая операция, подчинено определенным правилам, поэтому деление такого понятия, как право собственности, тоже должно быть им подчинено. Для того, чтобы начать деление, необходимо сперва дать общее понятие права собственности, а затем, опираясь на правила деления, формировать отдельные группы, охватываемые общим понятием.

Общее понятие права собственности в законодательстве отсутствует, однако наука достаточно точно определяет его, как неограниченное и исключительное господство лица над вещью [1, с. 285]. Теперь, пытаясь разделить право собствен-

ности на единоличное и общее, можно увидеть, что под это определение подпадает только единоличное право собственности. Общее право собственности нельзя считать неограниченным и исключительным, поскольку оно ограничено необходимостью считаться с волей других участников, и осуществляется по согласованной воле всех участников (истинной – как в долевой собственности, и презюмируемой – как в совместной). Следовательно, деление права собственности на единоличное и общее, нарушает основное правило деления, согласно которому все образованные в результате деления группы, должны охватываться общим понятием.

Пытаясь далее разделить общее право собственности на долевое и совместное, мы тоже сталкиваемся с непреодолимыми препятствиями.

Во-первых, коль скоро мы начали делить право собственности в зависимости от количества уполномоченных лиц (на единоличное и общее), то и дальнейшее деление (на долевое и совместное) должно производиться по тому же критерию. В нашем же случае – делении общего права на долевое и совместное избран другой критерий – наличие/отсутствие доли. Кроме того, цивилисты не так уж солидарны во вменении об отсутствии долей в совместной собственности супругов. Известно, как минимум четыре подхода, описанных У.Б. Филатовой: 1) долей нет вовсе; 2) доли есть, но их размер не известен до наступления определенного события; 3) доли есть, их размер известен, а потому нет отличий между совместной и долевой собственностью; 4) доли имеются и заранее известны, но они не подлежат отчуждению в связи с невозможностью замены состава участников [2, с. 4–8]. Следовательно, деление общего права на долевое и совместное по критерию наличие/отсутствие доли сомнительно.

Во-вторых, все образованные при делении группы не должны пересекаться друг с другом. Применительно к делению общей собственности это означает, что не должно существовать объектов, которые одновременно находятся в долевой и совместной собственности. Тем не менее, такие случаи известны. Например, доля в праве общей долевой собственности может принадлежать супругам на праве общей совместной собственности. Следовательно, и здесь мы сталкиваемся с нарушением логических законов деления.

Итак, выделение права совместной собственности, как разновидности права общей собственности, нарушает законы логики о подчинении образованных членов общему понятию, о едином основании деления понятия, а также об исключительности образованных членов деления.

Можно возразить нашему выводу, ссылаясь на то, что, дескать, законы логики может быть где-то и нарушены, но деление права собственности на единоличное и общее, и далее – на долевое и совместное, обоснованно с точки зрения закона и не вызывает сомнений в правоприменительной практике. Так это или нет, попытаемся разобраться далее, взяв за пример, опять-таки, совместную собственность супругов.

Специфика совместной собственности супругов в общем виде описана в главе 16 ГК РФ и главе 7 СК РФ. Формат статьи не позволяет подробно изложить их все, поэтому ограничимся общим замечанием: они в основном касаются регулирования взаимных отношений супругов, как совместных собственников, и вопросов их взаимодействия для осуществления совместного права, но не затрагивают существа совместного права собственности, его содержания. То есть, при полном согласии супругов право собственности на общие вещи возникает, прекращается, осуществ-

ляется и защищается точно также, как и единоличное право собственности. Нюансы появляются только там, где супругам необходимо сформировать общую волю, или там, где они расходятся друг с другом в вопросах возникновения и прекращения права собственности, в определении взаимных правомочий по использованию и распоряжению общим имуществом, а также там, где супруги прибегают к защите от действий друг друга и так далее.

Всё сказанное нами выше относительно отсутствия логики деления права собственности на единоличное и общее, а также отсутствие специфики права общей совместной собственности супругов в случаях совпадения воли и интересов соучастников, приводит нас к выводу, что совместная собственность супругов не порождает особой формы господства над вещью и не создаёт отдельного вида права собственности. Положения закона, регулирующие отношения общей совместной собственности супругов, на самом деле формируют не особое право, а особую форму взаимодействия для осуществления обычного права собственности. Кроме того, в литературе и судебной практике неоднократно отмечалось, что так называемая совместная собственность не совсем подходит под определение права собственности, как господства лица над вещью, поскольку она охватывает не только вещи, но и доходы (ст. 35 СК РФ), а также долги (ч. 3 ст. 39 СК РФ).

Таким образом, не только законы формальной логики, но и содержание норм права даёт нам основание сомневаться, как в возможности деления права на виды, так и в том, что совместная собственность – особое господство над вещью.

Зачастую выход из патовых ситуаций ищут в науке, особенно в компаративистских исследованиях. Есть такие и в исследуемой области. Особенно популярна идея заменить режим совместной собственности – режимом отложенной общности, получившим распространение во многих странах Европы, пусть и с довольно существенными различиями. Наиболее обстоятельные работы, посвященные режиму отложенной общности, вышли из-под пера А.В. Слепаковой [3, с. 233-256] и А.В. Егорова [4, с. 233-295]. В общих чертах они описывают режим отложенной общности так: супруги объединяют имущество и совместно пользуются им, оставаясь собственниками того, что имели до брака и того, что приобрели в браке; если брак расторгается, то определяется объем имущества на начало и конец супружеских отношений, а разница (прирост) делится между мужем и женой. А.В. Егоров видит преимущество режима отложенной общности в том, что он: 1) наиболее оптимально сочетает режимы единоличной и общей собственности; 2) отвечает требованиям социальной справедливости, ибо прирост делится поровну; и чем больше доходы одного супруга, тем больше получает второй при разделе; 3) предоставляет возможность свободно распоряжаться имуществом, без оглядки на то, есть ли согласие второго супруга; 4) на случай развода устанавливает между супругами обязательственные отношения, что отвечает требованиям кредиторов; 5) исключает в случае развода необходимость конвертации совместной собственности – в долевую для её последующего раздела [5, с. 232–295].

Не отрицая ценность института отложенной общности, а также необходимость его изучения и, возможно, перенесения отдельных правил в отечественное законодательство, заметим, что российское право ничуть не хуже германского. Наш закон тоже предусматривает возможность сочетания режимов долевой и совместной собственности (абз. 2 ч. 1 ст. 33 СК РФ). Режим совместной собственности отвечает

принципам социальной справедливости, поскольку предполагает возможность отступления от принципа равенства долей, если на то были уважительные причины (ч. 2 ст. 39 СК РФ); устанавливает презумпцию согласия второго супруга на совершение сделок с общим имуществом, упрощая задачу контрагентов по выяснению воли отчуждателя, и одновременно ограничивает возможности супруга по оспариванию сделок, совершенных без его согласия (ч. 2 ст. 35 СК РФ), защищая тем самым добросовестных приобретателей. Наш закон не устанавливает исключительно обязательственные отношения между супругами на случай развода, которые, вероятно, более выгодны для кредиторов, но в то же время содержит довольно действенные механизмы удовлетворения их интересов (ст. 45, 46 СК РФ). Что касается конвертации совместной собственности в долевую, то она, строго говоря, не проводится. Если здесь имеется в виду определение доли в совместном имуществе, то нечто подобное происходит и в режиме отложенной общности. Единственное положительное качество режима отложенной общности мы видим в том, что его не рассматривают как особый вид права собственности. Считается, что имущество продолжает находиться в единоличной собственности каждого из супругов.

Поскольку режим отложенной общности не лучше режима совместной собственности и уж точно не идеален, то оснований для его внедрения в российское право не имеется. Следует обратить внимание на иные концепции, которые бы раскрывали природу общей собственности – вообще и совместной собственности – в частности, с иной точки зрения, нежели особого вида права собственности. Выбор здесь небольшой. Единственная концепция, которая не считает право общей собственности – особым видом права собственности – концепция коллектива. Её суть сводится к тому, что совместное приобретение неделимой вещи порождает не особое разделенное право, а особый коллектив (гражданско-правовое сообщество), который приобретает вполне ординарное право собственности на вещь.

Если переложить теорию коллектива на отношения совместной собственности, то выходит, что совместная собственность – это не особый вид права собственности, а единоличная собственность гражданско-правового сообщества, именуемого семьёй. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, нам необходимо обосновать как минимум три обстоятельства: 1) коллективы могут являться участниками частноправовых отношений; 2) семья, как сообщество совместных собственников, – разновидность гражданско-правового коллектива; 3) семья, как сообщество совместных собственников, способно быть субъектом права собственности.

Что касается коллектива, как участника частноправовых отношений, то это вовсе не удивительно. Людям свойственно объединяться в группы в силу соседства или иной территориальной близости, наличия общих дел, схожих воззрений, экономической выгоды и так далее. Один из типов частноправовых объединений именуется «гражданско-правовое сообщество» (ст. 181.1 ГК РФ). К его основным признакам мы отнесли бы устойчивость, определимость круга участников, наличие внутренних связей, общую цель участников (членов).

Определение семьи удалось найти в Федеральном законе от 24 октября 1997 г. №134-ФЗ «О прожиточном минимуме в РФ», в ст. 1 которого указано, что семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство [5]. В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02 июля 2009 г. №14 «О некоторых вопросах ... применения ЖК РФ» указано, что

семейные отношения характеризуются наличием общего интереса и общего хозяйства. ГК РФ тоже рассматривает семью, как некое сообщество, предполагающее членство (ст. 292), и имеющее свои имущественный (ст. 30) и неимущественный (ст. 150) интересы [6]. Интерес семьи упоминается и в СК РФ (п. 2 ст. 39 СК), а также судебной практике (пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05 ноября 1998 г. №15 «О применении судами законодательства ... о расторжении брака») [7].

Обобщив изложенное, можем прийти к заключению, что семья отвечает всем признакам гражданско-правового сообщества. Она устойчива, круг её участников определим, членов семьи связывает довольно специфические внутренние отношения. К примеру, только между супругами могут складываться отношения по перераспределению долей, компенсации вследствие неправомерного распоряжения общим имуществом и т.д. В семье существует и взаимный («внутренний») контроль. В частности, супруг, чья воля не была учтена при отчуждении имущества, вправе требовать признание сделки недействительной (ст. 35 СК РФ). Наконец, у членов семьи есть общая цель, которая достигается с помощью принятия совместных управленческих решений. А если добавить, что семья обладает имуществом и собственным имущественным интересом, то уйдут всякие сомнения в том, что семья – не только «социальный институт» и «ячейка общества», но еще и гражданско-правовое сообщество.

Вывод о том, что семья – некое признаваемое законом частно-правовое сообщество, не является удивительным. Все правовые системы на всех исторических этапах развития рассматривали семью, как союз. Однако не каждый союз порождает правосубъектное образование. Например, союз простых товарищей, объединенных соответствующим договором (ст. 1041 ГК РФ), не создают новый субъект права. Впрочем, этот подход характерен только для отечественного права. Некоторые правовые системы, например, германская, считают, что гражданско-правовые сообщества частично-правоспособны. Вот что пишет на этот счёт У.Б. Филатова: «Общностям собственников в зависимости от их разновидности (общность собственников помещений в многоквартирном доме, общность собственников неделимой вещи, общность супругов и т.д.) тоже придаётся статус юридического или квазюридического лица с частичной правоспособностью» [2, с. 172]. Таким образом, идея о наделении семьи, как гражданско-правового сообщества, правоспособностью не противоречит догме частного права.

Кроме того, здесь стоит упомянуть Б. Виндшейда и его понимание права, как «установленную юридическим порядком дозволенность воли» [8, с. 82]. Если развить мысль Б. Виндшейда, то выходит, что правосубъектность – способность образования формировать волю и придание ей законодательством юридического значения. Другими словами, право можно приписать тому, чья воля и чье господство признается законом, даже если закон отрицает его в качестве субъекта.

Имеет ли семья волю и придаёт ли ей законодатель правовое значение? В ч. 3 ст. 1 СК РФ указано, что семейные отношения строятся на принципах равенства прав супругов и разрешению внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. В силу ч. 1 ст. 35 СК РФ владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов. Аналогичное правило закреплено в ст. 253 ГК РФ. Использование законодателем термина «согласие» озна-

чает, что супруги должны сформировать общую волю, которая, вполне возможно, отличается от их подлинной воли, и является результатом компромисса. То есть, можно утверждать не только о существовании воли семьи, как результата компромисса между супругами, но и том, что законодатель придаёт ей правовое значение. Следовательно, семью можно считать субъектом права. А с учетом того, что семья обладает имуществом, то и субъектом права собственности.

Вывод о том, что семья – субъект права уже высказывался в науке. Об этом писал В.В. Кулаков [9, с. 16–20], Ю.Ф. Беспалов [10, с. 6–8], Ю.А. Королев [11, с. 61–66], В.И. Иванов и Ю.С. Харитоновна [12, с. 27–33], а также другие. В целом мы согласны с этим, но с одним уточнением: право собственности обладает не семья, а сообщество супругов.

Итак, совместной собственности супругов, как разновидности права общей собственности и особого вида господства над вещью, не существует. Тем более, что так называемая «совместная собственность» объединяет не только вещи, а все пассивы и активы сообщества (собственно вещи, имущественные права, денежные обязательства и проч.). Наиболее реалистичная модель совместного обладания имуществом такова: субъектом прав и обязанностей должно признаваться супружеское сообщество, а не отдельные участники, которые лишь выполняют функцию волеизъявления. Несёт ли новая модель практическую выгоду в том смысле, что она способна устранить наиболее часто возникающие споры и противоречия в судебной практике – тема отдельного исследования.

Список литературы:

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 4-е изд. – Казань, 1902. – С. 226; Мейер Д.И. Русское гражданское право. 3-е изд. - Санкт-Петербург, 1864. – С. 285.
2. Филатова У. Б. Проблема разграничения видов общей собственности // Нотариус. – 2011. – №4.
3. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. – М.: Статут, 2005. – С. 233–256.
4. А.В. Егоров. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. - Москва: Статут, 2020. – С. 232–295.
5. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. N 134-ФЗ "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями). – URL: Федеральный закон от 24.10.1997 N 134-ФЗ "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 10.01.2024)
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации". – URL: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации" | ГАРАНТ (garant.ru) (дата обращения: 10.01.2024)
7. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года №15 О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака. – URL: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака" (spinform.ru) (дата обращения: 10.01.2024)
8. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. т. 1. Общая часть. / соч. проф. Гейдельбергского ун-та Виндшейда ; пер. с нем. под ред. и спредисл. С. В. Пахмана орд. проф. С.-Петербургского ун-та. - Санкт-Петербург, 1874. – С. 82.
9. Кулаков В. В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 16–20.
10. Беспалов Ю. Ф. Семейный интерес и интерес членов семьи, обладающих особым социально-правовым статусом: общее и различное, назначение и ценность для семьи // Семейное и жилищное право. – 2020. – №4. – С. 6–8.
11. Королев Ю.А. Семья как субъект права // Журнал российского права. – 2000. – № 10. – С. 61–66.
12. Иванов В.И., Харитоновна Ю.С. О субъектах права по законодательству России // Гражданское право. – 2012. – №3. – С. 27 – 33.

A.V. Zarubin. Alternative models common joint property // Scientific notes of V. I. Vernadsky crime-an federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 1. – P. 216–222.

It is generally accepted that ownership is divided into sole and common, and common into shared and joint. This division is contrary to logic, since the concept of “common property” is not covered by the concept of “property”. The existing model of common joint ownership, as a type of property right, also has other disadvantages, so in science there are increasingly calls for the search for alternative models. The first option: the regime of deferred community, which is common in European countries, should come to replace it. The second option: common joint property, as a special right, should be replaced by the property of the family (matrimonial community), as a special civil legal entity. The first option is rejected due to the fact that it has neither significant differences nor obvious advantages compared to the existing model. The second option, on the contrary, is considered promising. To justify the fact that joint property is the property of the family (matrimonial community), a number of sequential problems relating to the nature of the family are resolved; its qualifications as a civil legal community, as well as its legal capacity. In conclusion, he concludes that common joint property should be replaced by the property of the matrimonial community.

Key words: property; ownership; division of ownership; common property right; right of joint ownership; deferred generality mode; civil law community; matrimonial community; legal capacity of the conjugal community; family; family interest; the will of the family.

Spisok literary:

1. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. 4-e izd. – Kazan', 1902. – S. 226; Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo. 3-e izd. - Sankt-Peterburg, 1864. – S. 285.
2. Filatova U. B. Problema razgranicheniya vidov obshchej sobstvennosti // Notarius. – 2011. – №4.
3. Slepakova A.V. Pravootnosheniya sobstvennosti suprugov. – M.: Statut, 2005. – S. 233–256.
4. A.V. Egorov. Sovmestnaya sobstvennost' suprugov: na pereput'e // Grazhdanskoe pravo social'nogo gosudarstva: sbornik statej, posvyashchennyj 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.L. Makovskogo (1930 - 2020) / A.G. Arhipova, A.V. Asoskov, V.V. Bezbah i dr.; otv. red. V.V. Vitryanskij, E.A. Suhanov. - Moskva: Statut, 2020. – S. 232–295.
5. Federal'nyj zakon ot 24 oktyabrya 1997 g. N 134-FZ "O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami). – URL: Federal'nyj zakon ot 24.10.1997 N 134-FZ "O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami) | GARANT (garant.ru)
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 2 iyulya 2009 g. N 14 "O nekotoryh voprosah, vznikshih v sudebnoj praktike pri primenenii ZHilishchnogo kodeksa Rossijskoj Federacii". – URL: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 02.07.2009 N 14 "O nekotoryh voprosah, vznikshih v sudebnoj praktike pri primenenii ZHilishchnogo kodeksa Rossijskoj Federacii" | GARANT (garant.ru)
7. Postanovlenie plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 5 noyabrya 1998 goda №15 O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del o rastorzhonii braka. – URL: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii "O primenenii sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del o rastorzhonii braka" (spinform.ru)
8. Vindshejd B. Uchebnik pandektnogo prava. t. 1. Obshchaya chast'. / soch. prof. Gejdel'bergsckogo un-ta Vindshejda ; per. s nem. pod red. i spredisl. S. V. Pahmana ord. prof. S.-Peterburgskogo un-ta. - Sankt-Peterburg, 1874. – S. 82.
9. Kulakov V. V. Principy semejnogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2017. – № 5. – S. 16–20.
10. Bepalov YU. F. Semejnyj interes i interes chlenov sem'i, obladayushchih osobym social'no-pravovym statusom: obshchee i razlichnoe, naznachenie i cennost' dlya sem'i // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. – 2020. – №4. – S. 6–8.
11. Korolev YU.A. Sem'ya kak sub"ekt prava // ZHurnal rossijskogo prava. – 2000. – № 10. – S. 61–66.
12. Ivanov V.I., Haritonova YU.S. O sub"ektah prava po zakonodatel'stvu Rossii // Grazhdanskoe pravo. – 2012. – №3. – S. 27 – 33.